

УДК 327 (4/9) (575.2) (04)

**РОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВОЗНИКНОВЕНИИ
“ПУШТУНСКОГО ВОПРОСА” И КОНСОЛИДАЦИИ ПУШТУНОВ
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В АФГАНИСТАНЕ**

И.В. Задорожный – аспирант

The role of the Great Britain in originating a “Pushtun” problem and the Pushtuns’ consolidation in context of etymological processes in Afghanistan is considered.

В научных работах различных экспертов и специалистов внутриафганское противостояние очень редко классифицируется как межэтнический конфликт, чаще всего акцент делается на внешний и так называемый религиозно-экстремистский факторы. При исследовании всей специфики современной внутривосточной ситуации в Афганистане естественным образом возникает ряд проблем этносоциологического и этнопсихологического характера, без глубокого анализа и учета которых практически невозможно разобраться в истории, условиях появления и в свое время успешного продвижения талибов в этой стране. Между тем, если сделать небольшой экскурс в духе исторической этнологии, можно ясно увидеть, что движение талибов и поддержка их со стороны местных пуштунов весьма ярко отражала процесс консолидации единого народа, разделенного еще в 1893 г. английской администрацией пресловутой “линией Дюранда”, а также их стремление к созданию независимого государства Пуштунистан.

Еще в 1947 г., при разделе Индии, пуштунские племена потребовали предоставления им права на самоопределение и объединение в самостоятельное государство – Пуштунистан. Их требование носило вполне справедливый характер, поскольку при расширении своих территориальных границ Великобритания еще в 30-х годах XIX столетия захватила Пешавар-

ский округ Афганистана, вошедшего в 1849 г. вместе со всем Пенджабом в состав английских колониальных владений. В результате 7 млн. пуштунов оказались вне пределов Афганистана.

Как отмечали в своих исследованиях не только советские историки, но и современные западноевропейские и американские востоковеды [1], соглашение 1893 г., неравноправное по своему характеру, было навязано Англией Афганистану под сильнейшим политическим, военным и дипломатическим нажимом с применением экономической блокады и угрозы войны. Это соглашение, текст которого был составлен английской стороной, отвечало интересам только Англии, которая получила дополнительные экономические, политические и военно-стратегические преимущества.

Вопрос о государственной принадлежности восточнопуштунских земель в свою пользу тогдашний лидер Афганистана Абдуррахман-хан пытался решить неоднократно. В августе 1893 г. вице-король Британской Индии Ландаун еще раз обратился к Абдуррахман-хану с просьбой принять у себя его миссию, возглавляемую одним из высокопоставленных чиновников, “для определения государственной границы между Англией и Афганистаном, начиная от Памира и Бадахшана на севере и до Баджаура, гор момандов, вазиров, катаров и Чагая на юге”. Эмир дал свое согласие, но по-

просил назначить главой английской миссии лицо, уполномоченное подписать с афганской стороной договор о достигнутых соглашениях. Таким уполномоченным был назначен секретарь по иностранным делам Мортимер Дюранд – знаток пуштунских племен, их языка и обычаев.

Дюранд должен был обсудить с Абдурахман-ханом все вопросы, связанные с положением пограничных племен, расположенной между Британской Индией и Афганистаном; ознакомить его с точкой зрения английского правительства относительно пограничных вопросов и выяснить намерения эмира. Он должен был убедить Абдурахман-хана отказаться поставить под свое управление горные пограничные пуштунские племена, в первую очередь вазиров, афридиев, Батжур и Сват [2]. В случае согласия Абдурахман-хана отказаться от прав на Вазиристан, Сват и Батжур Дюранд был уполномочен заявить эмиру о готовности Англии отодвинуть назад (в пользу Афганистана) линию границы в некоторых пунктах; увеличить на шесть лакхов рупий выплачиваемую эмиру субсидию; отменить эмбарго на ввоз оружия и прекратить экономическую блокаду Афганистана [3].

Абдурахман-хан должен был догадаться о скрытых планах английских властей, так как по его просьбе еще до прибытия М. Дюранда в Кабул ему была прислана Ландауном карта, на которой все области, населенные восточнопуштунскими племенами, были показаны, как принадлежащие Британской Индии. Однако, направляя в Кабул миссию Дюранда, английские власти не ослабляли давление на Афганистан: продолжалась экономическая блокада, на границах в повышенной боевой готовности стояли значительные силы английской армии, расквартированной в Индии. Одновременно англо-индийские власти обещали пограничным племенам платить им в несколько раз большую субсидию, чем та, которую они получали от правительства Кабула, если они заявят о своем повиновении Англии [4].

5 октября 1893 г. начались англо-афганские переговоры, продолжавшиеся полтора месяца. По свидетельству современников, переговоры проходили трудно и многократно

были на грани срыва [5]. Абдурахман-хан фактически был поставлен перед выбором: или согласиться с английскими требованиями и подписать текст соглашения, подготовленный М. Дюрандом, или разорвать отношения с Англией, т.е. вступить в войну. Решиться на войну Абдурахман-хан не мог не только из-за превосходства сил Англии, но и потому, что не был уверен в прочности своего собственного тыла, так как в течение тринадцати лет его правления происходили постоянные восстания против эмирской власти (в Хазараджате, южном Туркестане, землях гильзаев и др.). В итоге Абдурахман-хан, даже не посоветовавшись с сановниками собственного двора, подписал договор о границе, – так называемой “линии Дюранда”, согласно которому к Британской Индии отходили территории всех горных восточнопуштунских племен, за исключением района Бирмал в Вазиристане и долины Мурга к югу от него [6].

Согласно подписанному соглашению, линия границы между Британской Индией и Афганистаном объявлялась неприкосновенной, и стороны, подписавшие соглашение, обязывались не вмешиваться в дела территорий, отошедших каждому из них. Также в соглашении говорилось об увеличении английской субсидии и отмене экономической блокады Афганистана.

Таким образом, по условиям договора Афганистан должен был “отказаться от каких бы то ни было прав на Сват, Батжур и Читрал, а также от прав на Вазиристан и Чолом” [7]. Новая граница обеспечивала англичанам полный контроль над горными перевалами, доступных в течение 4-летних месяцев, и дорогой в Хайберском проходе, связывающей и поныне Афганистан с Пакистаном. Эта была несомненная победа британской дипломатии, поскольку приобретение геостратегического пространства позволяло не только обеспечить безопасность своих колониальных владений, но и диктовать свою волю этому государству. Именно с этого момента восточнопуштунские племена, жившие в районе индо-афганской границы, оказались навсегда отрезаны от остальной части пуштунов и теперь уже подчинялись английским, а в дальнейшем пакистанским властям. По этому поводу афганский ис-

торик Сеид-Касем Ришития в середине XX столетия писал, что “это до сих пор остается незаживающей раной на теле Афганского государства” [8].

Весьма интересно, что пророческими оказались слова эмира Абдуррахман-хана, который, пытаясь исправить положение в письме вице-королю Индии, замечал: “если вы отсечете их (пограничные племена) от моих владений, они никогда не будут полезны ни вам, ни мне. Пока ваше правительство в силах и ни с кем не воюет, вы сможете крепкой рукой держать их в узде, но если какой-нибудь чужеземный враг появится на границах Индии, эти пограничные племена будут вашими злейшими врагами. Вы должны помнить, что они, подобно слабому противнику, могут находиться под ногами более мощного врага, пока он силен; когда же он перестанет быть достаточно сильным, чтобы удерживать слабого, тот восстанет против его ига и в свою очередь нападет на него” [9].

В дальнейшем и во времена англо-афганских войн (1878–1880, 1919 гг.), и в 50–60-х годах XX столетия правящие круги сначала Англии, затем США и позже Пакистана не раз отклоняли предложения афганского руководства о предоставлении пуштунам права извлекать свою волю в отношении создания собственного государства. Все это не могло не привести к дальнейшему обострению отношений между Пакистаном и Афганистаном, а также усилению репрессий со стороны пакистанских властей к наиболее активным деятелям движения за создание Пуштунистана.

Сразу же после присоединения (1893 г.) восточнопуштунские племена начали открытую борьбу против колонизаторов, которая не прекращается практически и по настоящее время. В 1901 г. англичанам даже пришлось создать особую Северо-Западную Пограничную Провинцию с центром в Пешаваре, которая «была отделена административной чертой от так называемой “полосы независимых племен”, примыкающей с востока к индо-афганской границе».

Как замечали специалисты по данному вопросу, разрезав надвое этническую территорию пуштунского народа, включив земли восточных пуштунов в пределы английской им-

перии в Южной Азии, соглашение 1893 г. создало серьезные искусственные препятствия на пути национальной консолидации пуштунов. Оно породило также (вместе с аннексией Англией в 1849 г. равнинных восточнопуштунских территорий так называемых административных округов) комплекс сложных международных проблем, получивших уже в новейшее время наименование “пуштунский вопрос”.

Вопросы стабилизации обстановки на северо-западной границе Британской Индии и вместе с тем нормализации отношений с восточнопуштунскими племенами взялся решить Джордж Керзон Кедлстон, занявший пост вице-короля Индии в 1899 г. Он разработал принципы пограничной политики (на основе английской правительственной программы 1898 г.) и в декабре 1900 г. добился ее одобрения в Лондоне [10]. По этой программе было предусмотрено выделение западных округов провинции Пенджаб (Хазара, Пешавар, Кохат, Банну) и территории восточнопуштунских племен, лежавшей к востоку от “линии Дюранда”, в особую Северо-Западную Пограничную Провинцию (СЗПП). Выделяя районы, населенные восточными пуштунами, в особую провинцию английское правительство намеревалось держать под бдительным контролем как самих пуштунов, так и их земли, имевшие важное стратегическое значение.

Как отмечал еще Ю.В. Ганковский, в этой провинции “пуштунское национальное движение возникло вскоре после окончания первой мировой войны” [11]. В 1921 г. была создана первая массовая политическая организация, поставившая своей целью “национальную реформу” пуштунского общества, – “Анджуман-и ислах-и афашна” – Общество просвещения афганцев, руководимое братьями Абдул Гаффар-хан и Хан Сохит (1883–1958 гг.), мауланой Абдуррахим Потельзай (1880–1944 гг.) и др. [12]. Хотя общество функционировало как сугубо гуманитарная и мирная организация, ставившая перед собой цели просвещения и повышения общего уровня образования среди пуштунов, английские власти из-за связи отдельных членов общества с известной организацией младоафганцев запретили его деятельность. Однако уже в 1926–1927 гг. в провинции создается новая массовая органи-

зация – “Пахтун джирга” – Пуштунская лига, руководителем которой стал Абдул Гаффар-хан. Конечной ее целью было провозглашено ниспровержение английского ига.

Они добивались “морального, социального, политического и экономического” единства пуштунов, дабы весь пуштунский народ “как один человек стремился к достижению стоящей перед ним цели” [13]. Ее члены вели активную антианглийскую пропаганду и агитацию в провинции и полосе племен: приветствовали антиимпериалистическую направленность политики эмира Амануллы-хана и проводимые им реформы, протестовали против вмешательства английского правительства во внутренние дела Афганистана, резко осуждали захватническую политику Англии на Ближнем и Среднем Востоке. Их антианглийская пропаганда и призывы к единству пуштунов привлекли тысячи людей, что дало возможность ее руководству приступить осенью 1929 г. (когда филиалы Конференции существовали уже во всех пуштунских районах) к созданию добровольческих отрядов “худаи хидматгар” – “слуг божьих”, более известных под названием “сурхпош” – краснорубашечников. Вступая в организацию, краснорубашечники давали клятву бороться за свободу родины, помогать угнетенным против угнетателей и беспрекословно выполнять все приказы своих командиров [14].

Пуштунская конференция отказалась сотрудничать с комиссией Дж. Саймона, направленной в Индию английским правительством, и отвергла выработанные ею конституционные предложения. В противовес им Конференция потребовала объединения всех населенных пуштунами северо-западных районов Британской Индии в единую автономную провинцию; отмены чрезвычайных законов, действовавших в полосе племен: немедленного проведения в пуштунских землях социальных и культурных реформ, которые покончили бы с нищетой и неграмотностью населения [15]. Активную антианглийскую пропаганду руководители Пуштунской конференции сочетали с борьбой за “национальное пробуждение пуштунов”. Члены Конференции и отрядов краснорубашечников были обязаны носить только пуштунскую национальную одежду. В

семье и общественной жизни они говорили только на пушту. Он был единственным, на котором Конференция вела агитационную работу в провинции и в полосе племен.

По мере того как перспектива раздела Британской Индии на два государства становилась все более реальной, среди руководителей Пуштунской конференции крепло убеждение в необходимости добиваться, в случае если раздел станет фактом, создания независимого Пуштунистана [16]. К концу 1946 г. независимость Пуштунистана становится главным лозунгом пуштунского национального движения. Его лидеры в условиях нарастающего политического кризиса отказываются от ненасильственных методов борьбы. В начале 1947 г. формируются вооруженные отряды “Дзалмай пуштун” – “Молодой пуштун”, руководимые Абдул Гани-ханом, сыном Абдул Гаффар-хана, и Амир Наваз-ханом джалая.

Положения закона о независимости Индии (3 июня 1947 г.), предусматривавшие в СЗПП проведение референдума, который решит, будут ли пуштунские земли включены в состав Пакистана или Индийского союза, вызвали резкие возражения пуштунских националистов. Они потребовали, чтобы во время предстоящего референдума пуштунскому народу была дана возможность высказать свое отношение к выдвинутому ими требованию о создании независимого Пуштунистана. Однако их попытка договориться по этому поводу с центральным руководством Мусульманской лиги и вице-королем Индии окончилась провалом [17]. Тогда лидеры Пуштунской конференции призвали своих последователей бойкотировать референдум.

Вскоре после образования Пакистана правительство Мусульманской лиги заявило, что оно будет проводить в отношении пуштунов “политику, основанную на доверии и дружбе” [18]. Когда в осуществление этого заявления из полосы племен в декабре 1947 г. были выведены пакистанские войска (т.е. был положен конец режиму военной оккупации, продолжавшейся несколько десятков лет), когда пакистанское правительство объявило, что оно в принципе согласно на административное объединение всех пуштунских районов и пере-

именование Северо-Западной Пограничной Провинции (хотя окончательно этот вопрос должно было решить Учредительное собрание) [19], подавляющая часть деятелей Пуштунской конференции пересмотрела свое отношение к Пакистану. Безусловное влияние оказали на них и связи с теми лидерами Конференции, которые еще в 1942–1945 гг. примкнули к Мусульманской лиге.

Власти СЗПП с санкции губернатора провинции А. Дандаса применили суровые репрессии, чтобы остановить рост национально-освободительного движения. Были произведены массовые аресты. В тюрьмы были брошены многие крестьянские и профсоюзные деятели, а также лидеры пуштунских националистов (среди них Абдул Гаффар-хан и Абдул Гани-хан). Деятельность Пуштунской конференции была запрещена, отряды краснорубашечников распущены.

В результате примененные репрессии не только нанесли сильный удар пуштунскому национальному движению в СЗПП, но и способствовали определенному укреплению влияния той части его лидеров, которые стояли на сепаратистских позициях и в 1948 г. действовали главным образом в полосе племен. “В июле 1949 г. в полосе племен взвились красные флаги независимого Пуштунистана” [20]. Происходили вооруженные столкновения между отрядами пуштунских националистов и пакистанскими войсками, пакистанская авиация бомбила пуштунские деревни.

Осенью 1954 г. при рассмотрении доклада Комитета основных принципов депутаты Учредительного собрания пошли на частичное удовлетворение требований образования автономного Пуштунистана, которые неоднократно выдвигали лидеры краснорубашечников. В принятом проекте административного устройства Западного Пакистана было предусмотрено объединение полосы племен, территории княжеств и административных округов СЗПП в единую провинцию. Проект предусматривал также создание провинций Белуджистан, Синд и Пенджаб; статус провинций получали княжества Хайрпур и Бахавалпур [21]. Таким образом, к началу второго десятилетия существования Пакистана пуштунское национальное движение сумело преодолеть многие трудно-

сти, которые стояли на его пути. Оно вновь, как и в годы, предшествовавшие независимости, приобрело массовый характер.

Однако, когда в условиях усиливающейся политической дестабилизации всей страны в целом, президент Пакистана М. Айюб-хан в марте 1969 г. сложил с себя все полномочия и передал власть руководству армии во главе с ее главнокомандующим генералом А.М. Яхья-ханом, на месте единого Западного Пакистана вновь были воссозданы четыре провинции: Пенджаб, Синд, Северо-Западная Пограничная Провинция и Белуджистан.

Следует также иметь в виду, что вооруженная борьба за национальную независимость велась и в Восточном Пакистане, и, как известно, она увенчалась полным успехом: 26 марта 1971 г. было провозглашено создание нового независимого государства Бангладеш. Таким образом, регрессивные течения этнообъединительного процесса, а также территориальная разобщенность, сочетавшаяся с национальной и экономической, привели к краху надежды формирования единой пакистанской нации, завершившись отделением от Пакистана его восточной части – Бенгалии и созданию независимой Народной Республики Бангладеш.

После падения военной диктатуры и прихода к власти 20 декабря 1971 г. З.А. Бхутто внутривнутриполитическая обстановка в стране нормализовалась. Однако выступления пуштунов, требующих отделения, не прекратились. Эти выступления и их поддержка со стороны Афганистана были причиной многократных осложнений и обострения отношений между Афганистаном и Пакистаном после 1947 г. С одной стороны, ни одно правительство Афганистана XX века, вне зависимости от идеологической ориентации, не признало законность афгано-пакистанской границы, а с другой, Кабул неоднократно требовал от Исламабада предоставить пакистанским пуштунам право на самоопределение. Это, в свою очередь, усиливало антиправительственные настроения в среде последних и не раз приводило к вооруженным выступлениям под лозунгом борьбы за “независимый Пуштунистан”.

Так, во второй половине 40-х годов, когда на месте бывшей Британской Индии возникли

независимые государства – Индия и Пакистан, и стремясь в новых условиях продемонстрировать единство афганского государства и пуштунов (чего всегда так не хватало в самом Афганистане), Захир-шах (1933–1973 гг.) заявил о необходимости признания за оказавшимися в составе Пакистана пуштунами права на самоопределение. Мотивированная внутривнутриполитическими соображениями позиция сделала афганскую монархию пусть не явным, но все же оппонентом Вашингтона, главного союзника Пакистана [22]. В 1955 г. Пакистан даже прервал политические и торговые отношения с Афганистаном и закрыл для этой страны, не имеющей выхода к морю, все транзитные пути, спровоцировав экономическую блокаду [23].

Премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто давно желал разрешить пуштунскую проблему на северо-западе, отвлекавшую значительные силы от перманентного стратегического противостояния с Индией. Пакистанская спецслужба ИСИ обладала точной информацией из достоверных источников о помощи, которую предоставлял Дауд-хан (1973–1978) вождям пуштунских племен, обитающих в районах, прилегающих к афгано-пакистанской границе. Помощь эта стала особенно активной и уже не являлась тайной в преддверии восстания пуштунов, вспыхнувшего затем в феврале 1975 г. Бхутто прекрасно понимал: все исходит из Кабула. Чтобы усмирить восставших и окончательно покончить с брожением в приграничных районах, нужно было избавиться от самого Дауд-хана. И единственной силой, способной это сделать, были в тот момент исламисты.

Пакистанский премьер быстро договорился с их опальными лидерами. В Пакистане Хекматияр и Раббани были встречены по всем законам восточного гостеприимства. Согласно достигнутой договоренности, пакистанская сторона обеспечивала афганскую оппозицию финансовыми средствами, оружием и даже военными специалистами. Раббани и Хекматияр со своей стороны обязались в кратчайшие сроки устранить самозванного афганского президента. Поднятое ими с этой целью всенародное восстание должно было, согласно желанию Бхутто, вспыхнуть в июле 1975 г.

[24]. Это был классический пример государственного террора, когда исламисты становились, по сути, наемными убийцами на службе у иностранного лидера. Подобная практика, впрочем, не прошла даром для самого Бхутто. Выпущенный им джин террора обрушился на него через четыре года: 4 апреля 1979 г. он будет казнен в Исламабаде по сфабрикованному обвинению в заговоре с целью убийства нового лидера страны Зия уль-Хака.

Далее, как показала история, “пуштунская карта” была разыграна еще не раз. Когда в конце 1979 г. в Афганистан были введены советские войска, территория Пакистана, особенно его приграничные области – Белуджистан и Северо-Западная Пограничная Провинция – превращается в своего рода плацдарм, где ведется концентрация, подготовка и вооружение формирований афганской оппозиции – моджахедов из числа местных пуштунов. Таким образом, вполне можно предположить, что внешний фактор, так удачно появившийся, был взят и главное вовремя использован руководством Пакистана как для отвлечения внимания пуштунов от сепаратистских выступлений, так и для отражения “советской угрозы”.

Итак, Исламабад, пытаясь погасить сепаратистское движение собственных пуштунов, всегда стремился переключить внимание Кабула на внутренние проблемы, поддерживая с этой целью исламистскую оппозицию в 60-х – начале 90-х годов и создав отчасти с этой же целью пуштунское исламистское движение “Талибан”.

И, в общем-то, афгано-пакистанский конфликт из-за Пуштунистана, инспирированный английским правительством, на протяжении довольно долгого времени остается нерешенным и до сих пор создает определенную напряженность между двумя странами.

Литература

1. Гордон Л.Р. Борьба Афганистана против английской агрессии XIX в. // Очерки новой истории стран Среднего Востока. – М., 1951. – С. 132; *Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan. Stanford, 1969. – P. 158; Miller C. Khyber. British Policy in India. 1858–1905. – L., 1971. – P. 244.*

2. *Темирханов Л.* Восточные пуштуны // Основные проблемы новой истории. – М.: Наука, 1987.
3. *Tripathi G.P.* Indo-Afghan Relations. 1882—1907. New Delhi, 1973. – P. 100–101.
4. *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальное движение в Пакистане. – М., 1967.
5. *Темирханов Л.* Восточные пуштуны. – М.: Наука, 1987.
6. *Cotton S.* Nine Year on the North-West Frontier of India. – L., 1968.
7. *Халорин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане. – М., 1959.
8. *Сеид-Касем Ришития.* Афганистан в XIX в. – М., 1958.
9. Цит.: Указ. соч. – С. 148.
10. *Ганковский Ю.В.* Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории). – М., 1964.
11. *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальное движение в Пакистане. – М., 1967. – С. 165.
12. Указ. соч. – С. 163.
13. Цит.: Yunus M. Frontier speaks. – Bombay, 1967. – P. 115.
14. См.: Yunus M. Frontier speaks. – P. 113.
15. *Sen S.* The birth of Pakistan. – Calcutta, 1955. – P. 138.
16. Подробнее см.: Yunus M. Frontier speaks. – P. 191, 192.
17. *Sen S.* The birth of Pakistan. – P. 177.
18. *Haque M.M.* Around Khyber. – Karachi, 1951. – P. 10.
19. *Roth A.* Afghanistan's old dream rekindled // The Pakistan times. – 3.III. – 1950.
20. Там же.
21. *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальное движение в Пакистане. – М., 1967. – С. 184.
22. *Умнов А.* История, опрокинутая в настоящее // Азия и Африка сегодня. – №3. – 1999.
23. Дипломатическая энциклопедия. – Т. 1. – М., 1967.
24. *Фальков М.* Афганский ящик Пандоры // Новости недели, 1999. по URL: <http://www.novosty.co.il/>, а также <http://www.agentura.ru/press/falkov/afghanistan/>